

Скорбим и помним

Антонина Ждан

СЛОВО

О ВЛАДИМИРЕ ПЕТРОВИЧЕ ЗИНЧЕНКО

Аннотация. Рассматриваются представления В.П. Зинченко об органической психологии, о деятельности и сознании, о развитии человека на пути к духовности. Обосновывается положение о правомерности характеризовать эти представления как контуры новой самостоятельной концепции развития человека и личности. Подчеркивается их связь с традициями психологической мысли и прозрениями замечательных поэтов. Проведены сопоставления воззрений В.П. Зинченко с теориями Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. Воссоздается портрет ученого, обращается внимание на особенности языка и стиля научных трудов В.П. Зинченко. Анализируются новые термины, введенные им в психологию.

Ключевые слова: функциональные органы; хронотон; органическая психология; духовность; душа; вертикаль духовного развития; метафора; живое движение; биодинамическая ткань движения; действие; макроструктура и микроструктура деятельности; полифоническая структура сознания, бытийный, рефлексивный и духовный слои сознания.

Abstract. V.P. Zinchenko's notions about organic psychology, activity and consciousness and about man's development on the way to spirituality are considered in the article. Appropriateness of these notions' characterizing as a contour for a new independent conception of development is based. Their interrelation with traditions of psychological thought and insights of remarkable poets are stressed. Comparison of V.P. Zinchenko's ideas with the theories L.S. Vygotsky and A.N. Leontiev are done. The portrait of the scientist is created, attention is paid to peculiarities of language and style of V.P. Zinchenko's scientific works. New notions, introduced by V.P. Zinchenko in psychology are analyzed.

Keywords: functional organs; chronoton; organic psychology; spirituality; soul; vertical of spiritual development; metaphor; live motion; motion; biodynamic tissue of motion; action; macrostructure and microstructure of activity; polyphonic structure of consciousness; being, reflexive and spiritual level consciousness.

Посох мой – моя свобода,
Сердцевина бытия.

О. Мандельштам

Особенно не терплю одетого в белые одежды непрофессионализма, не люблю «злокачественных» лентяев. К доброкачественным снисходителен. Я достаточно прямой, хотя с этой прямоотой было немало неприятностей. В конце концов, недаром говорят, что за одного битого двух небитых дают. Критически к себе отношусь, но бывает, радуюсь своим удачам. Чувство юмора и хорошая память мешают хвастовству. Я ведь встречал по-настоящему больших людей, был с некоторыми дружен.

*Из интервью В.П. Зинченко
в связи с 75-летием (2006 г.)*

I. Введение

6 февраля 2014 г. скончался выдающийся современный психолог, доктор психологических наук, академик РАО, профессор Института общего среднего образования РАО, профессор ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет», профессор кафедры общей и экспериментальной психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Владимир Петрович Зинченко. Сын известного харьковского психолога Петра Ивановича Зинченко, который входил в состав харьковской психологической группы (школы) А. Н. Леонтьева и активно участвовал в разработке психологической теории деятельности, В. П. Зинченко уже в школьные годы окупнулся в атмосферу психологических дискуссий. Учился на психологическом отделении философского факультета МГУ (1948–1953) у таких классиков отечественной психологии, как С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов, Я. Я. Рогинский, а также у учеников и последователей Л. С. Выготского (А. В. Запорожца, Д. Б. Эльконина, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина). Благодарное отношение к Учителям Владимир Петрович пронес через всю свою жизнь.

В студенческие годы он сдружился со многими философами, среди которых Л. И. Греков, Л. Н. Митрохин, И. Т. Фролов, И. В. Блауберг, А. М. Пятигорский, А. А. Зиновьев, Э. В. Ильенков, М. К. Мамардашвили. Об этом важно сказать, потому что у Владимира Петровича была своя образная, счастливая и редкая ситуация развития – он общался с интересными и выдающимися людьми. Позже он сказал об этом с благодарностью: «Мое образование происходило в разговорах»^{*}. (Можно было бы

^{*} В. П. Зинченко написал около 30 исторических портретов. Они составляют большой раздел книги, посвященной его 80-летию [1]. Знаменательно название этого раздела: «Владимир Зинченко. Мои Учителя и Заслуженные собеседники».

добавить: и в чтении.) Труды В. П. Зинченко отличает подлинный энциклопедизм. Он считал необходимым приложить все усилия, чтобы преодолеть распространенный сегодня (особенно среди молодых психологов) грех, который называл *«преступлением нечтения»*.

После окончания МГУ была аспирантура в Институте психологии АПН РСФСР (1953–1956), завершившаяся защитой кандидатской диссертации «Некоторые особенности движений руки и глаза и их роль в формировании двигательных навыков» (научный руководитель – А. В. Запорожец). С 1957 г. работал в институте сначала младшим, затем старшим научным сотрудником. В 1966 г. защитил докторскую диссертацию «Восприятие и действие». На опыте своего становления как ученого В. П. Зинченко пришел к выводу: биографию психологу полагается начинать не с теоретизирования, а с эксперимента. Еще один совет классика, каким стал Владимир Петрович, молодому поколению.

Вся последующая биография Владимира Петровича – это неустанная исследовательская, педагогическая, организаторская деятельность в различных учреждениях и областях психологии*. В данной статье я попытаюсь осмыслить содержание важнейших трудов В. П. Зинченко и хотя бы в общих чертах воссоздать целостный образ личности этого выдающегося человека и его психологических взглядов. Масштабность его творчества в соотношении с жанром статьи не позволяют осуществить это намерение со всей полнотой.

II. Штрихи к портрету В. П. Зинченко

Все, кому посчастливилось знать Владимира Петровича Зинченко, отмечают исключительность, яркость его личности. Многолетний коллега В. П. Зинченко Б. Г. Мецераков на материале проведенного им исследования и на основе большого личного опыта общения с ним пришел к выводу, что *он был ярко выраженной самоактуализирующейся личностью*.

А. И. Назаров, знавший Владимира Петровича с 1961 г., писал о нем: «Феноменальная память, эрудиция, охватывающая время от древних философов до наших дней, ассоциативность (в хорошем смысле этого слова) мышления, богатый жизненно-научный опыт, с одной стороны, и интуитивное понимание какой-то недостаточности, парадоксальности, незаконченности, нежизненности концептуального аппарата современной психологии, с другой стороны, создают в нем то внутреннее напряжение, которое частично разрешается в его творчестве. Частично, потому что проблема освещается с какой-то новой стороны, но продолжает дразнить своей нерешенностью. Как будто *она* протягивает ему руку, и он уже готов *ее* обнять, но *она* отходит от него на видимое, но все же недостижимое расстояние. Творчество Владимира Петровича проблемно, а не финально» [1, с. 558–589].

Известный психолог В. П. Мунипов, который долгие годы работал с В. П. Зинченко и был его другом, писал о Владимире Петровиче: «Зинчен-

* Она достаточно полно отражена в наших изданиях справочного характера. См., например [1, с. 595–614; 2, с. 71–75; 3, с. 187–189; 4, с. 172–178].

ко достоин восхищения, он осмелился искать новые устои духовного в психологии... еще одна черта, всегда завораживающая меня, его прикосновение к искусству и, прежде всего, к поэзии как поиску жизни духа и его пределов... Еще несколько слов о личных качествах Зинченко. <...> Мощный и острый ум, помноженный на творческое воображение и неисчерпаемую энергию, в сочетании с чувством юмора – характерные черты Владимира Петровича. Он прямой, смелый и надежный человек, с которым радостно работать и дружить... Он человек, на которого можно положиться. <...> Непорядочным людям высказывает свое мнение в лицо, так что они его избегают. Его высочайший профессионализм в сочетании с указанными чертами личности зачастую приводит к тому, что его боятся приглашать на работу в организации психологического профиля. Не случайно он создал не в Москве, а в г. Дубне одну из лучших кафедр психологии в стране... Он общительный и веселый человек, любитель анекдотов и метких афоризмов. С ним всегда интересно, и он ценит интересных людей. Зинченко не лишен недостатков, они у него так сложно вплетаются в положительные черты, что их трудно расчлениить. Зинченко без недостатков, убежден я, – не будет Зинченко, которого все знают... Независимый и свободный человек. У одного выдающегося деятеля культуры однажды спросили, что в искусстве важнее – “что” или “как”? Он ответил: не “что” и не “как”, а “кто”. В. П. Зинченко, несомненно, “кто” в эргономике и психологии, и это во многом предопределило успешное ее развитие в нашей стране» [1, с. 165, 174]. Все, кто знал Владимира Петровича, отмечают, что он не умел и не хотел лить елей. Он всегда прямо и бескомпромиссно высказывался в адрес коллег.

Как отмечал В. М. Аллахвердов, «В. П. Зинченко – ...последний из могикан великой школы, соединившей Харьков и Москву, тонкий исследователь, блестящий вольнодумец и остролов... первый (и по времени, и по значению) когнитивный психолог России в последние годы, как и положено отцам-основателям, выступающий ее критиком...» [1, с. 216]. По воспоминаниям В. М. Аллахвердова, он был также «добрым, мягким, деликатным человеком», он называл В. П. Зинченко Мастером, признавал, что понять его тексты нелегко.

Владимир Петрович был доброжелательным человеком, оказывал поддержку авторам (если они того заслуживали) для публикации в руководимых им психологических журналах, в «Вопросах философии», членом редколлегии которых он состоял.

III. Особенности научного языка и стиля трудов В. П. Зинченко

Как автор научных трудов, В. П. Зинченко выражал свою мысль, конечно, прозой. Но общий стиль всех его работ и устных выступлений – *поэтический*. Они уникальны в своей непохожести на привычный язык научных трудов. Своей образностью они очаровывают и завораживают ум и душу читателя. Страницы его статей и книг полны поэтических текстов.

Это не означает, что стиль мышления В. П. Зинченко лишен научной строгости. Зинченко использовал весь понятийный аппарат психологического знания, созданный на протяжении длительного исторического раз-

вития и опирался на принципы психологического познания (хотя и с беспощадной критикой обрушивался на застывшие догмы в их трактовке). Ему дорог *теоретический мир* психологии. Психолог в подлинном смысле этого слова должен знать вечные проблемы психологии и ориентироваться в них. Он с болью говорил о том, что у нас почти замерла работа в области теории, но при этом число психологов увеличилось по сравнению с советскими временами. Однако ориентируются они на практическую деятельность*. В. П. Зинченко ввёл ряд новых терминов, активно используя понятия хотя и известные, но не получившие распространения в психологии. Весьма значимыми в его трудах являются такие термины, как органическая психология, поэтическая антропология, душа, медиаторы, живое движение, живое знание, духовность, вертикаль духовного развития, геном развития, хронотоп, свободное действие и некоторые другие**. Для следования за мыслью В. П. Зинченко понимание этих терминов, безусловно, необходимо, потому что они имеют ключевое значение в его концепции. Впрочем, даже устоявшиеся в нашей науке понятия (деятельность, сознание, личность, творчество, интуиция, мышление, память) он называл чудом, тайной, к которой необходимо прикоснуться, чтобы, как он писал, «сделать тайну более осязаемой».

Наиболее часто на страницах статей и книг В. П. Зинченко звучат голоса гигантов Возрождения – Данте и Микеланджело, а также поэтов И. В. Гете, Ф. И. Тютчева, А. С. Пушкина, А. К. Толстого, М. Ю. Лермонтова, А. А. Блока, А. Ахматовой, М. Цветаевой, А. Белого, Н. Гумилева, К. Бальмонта, О. Мандельштама, Вяч. Иванова, Б. Пастернака, И. Бродского, Т. Элиота, Р. М. Рильке и других. В. П. Зинченко исходил из признания высокого значения искусства для познания. Особенно важной он считал поэзию и неоднократно повторял: «Поэзия учит языку, прививает вкус к языку, к работе над словом». В отличие от науки, искусство порождает иное знание: оно сохраняет человеческий мир целостным, напоминая науке о существовании «целостного, неосколочного мира» [6, с. 42]. В то же время он признавал, что «поэзия, как бы ни была она точна и прекрасна, это все же не наука». Наука должна перевести смысловые, полные чувства прозрения, но исчезающие после их исполнения в понятия, в модели, символы, формулы, концептуальные конструкты [6, с. 42, 165].

В текстах В. П. Зинченко масса образов, метафор; они используются даже в заголовках его работ! Он утверждал, что «значение метафор в науке неоспоримо», поскольку «метафоричность – неотъемлемое и неистребимое свойство любого речевого мышления, в том числе научного» [7, с. 112]. Он писал о полезности метафор в психологии, ссылаясь на слова Л. С. Выготского: «Как показали Локк, Лейбниц и все языкознание, все слова в психологии суть метафоры, взятые из пространств мира» [7, с. 100]. Действительно, такие слова, как «образующие сознания» и «чув-

* Глубокие размышления В. П. Зинченко о теоретическом мире психологии см. [5, с. 3–17].

** Следует заметить, что эти понятия, по собственному признанию В. П. Зинченко, носят метафорический характер.

ственная ткань сознания», – это не что иное, как метафоры. Оправданием такому положению вещей в психологии В. П. Зинченко считал трудности, связанные с определением понятий в отношении психической реальности из-за ее сложности.

В частности, он показал это на примере характеристики смысла. Он солидаризируется с позицией Д. А. Леонтьева, который высказал предположение о том, что за словом «смысл» скрывается не конкретная психологическая структура, допускающая однозначную дефиницию, а сложная смысловая реальность. Согласно В. П. Зинченко, смысл – это не понятие, а концепт культуры, который поэты и ученые пытались осмыслить в форме метафоры. В отдельной большой статье он проанализировал серию метафор смысла, принадлежащих разным авторам: Э. Гуссерлю, Ю. М. Лотману, М. Веберу, Г. Г. Шпету, О. Мандельштаму, А. Белому, Г. П. Щедровицкому, М. М. Бахтину. В. П. Зинченко стремился убедить, что хорошая, хотя и многозначная, метафора предпочтительнее, чем плохое понятие, потому что она лучше выражает факт принципиальной недосказанности, незавершенности научного знания. «Мне кажется, что одна живая метафора, – писал он, – много полезнее десятка мертвых понятий» [6, с. 223]. Невольно напрашивается аналогия с диалогами Платона, где философское учение изложено в художественной форме с использованием метафор и мифов, не допускающих однозначного истолкования, где ни одна проблема не получает ясного окончательного решения. Возможно, потому понимание учения Платона продолжает и сегодня оставаться проблемой и предметом споров.

Частое использование метафор придает текстам В. П. Зинченко многозначность, сообщает им *адогматизм*: они имеют избыток степеней свободы для понимания. Его работы не дают готовых однозначных ответов, а приглашают читателя к размышлениям. Читать их легко, но понимать трудно. Об этом искренне сказал В. М. Аллахвердов, добавив, что и сам В. П. Зинченко не всегда уверен в правильности собственного толкования взглядов М. К. Мамардашвили, на которого он постоянно ссылаясь. Он удивляет парадоксами. Например, объявляет понятность необязательным требованием к статье. Труды В. П. Зинченко посвящены сложнейшим *проблемам* психологии: ее предмету, методам, понятийному аппарату – и сами носят *проблемный* характер.

Поражает *искренность* В. П. Зинченко как автора. Он откровенно признается в своем непонимании ряда вещей. И это вовсе не кокетство. Вот один конкретный пример. В связи с размышлениями о свободном действии как действии, свободном от внешних детерминант из окружающей ситуации, он приводит отрывок из работы Л. С. Выготского «Орудие и знак». В этом отрывке говорится об освобождении ребенка в ряде случаев из-под власти актуальной ситуации, непосредственно действующей на него. С помощью речи ребенок рядом с пространственным зрительным полем создает «временное поле для действия» и таким образом «получает возможность динамически направлять свое внимание, действуя в настоящем с точки зрения будущего поля и часто относясь к активно созданным в настоящей ситуации изменениям с точки зрения своих прошлых дей-

ствий». Приводя большой отрывок из текста Выготского, В. П. Зинченко писал: «К своему стыду, я только в процессе данной работы проник (возможно, не до конца) в смысл приведенного отрывка. В нем, по существу, дано описание психологического синтеза времени, *хронотопа* сознательной и бессознательной жизни, хотя Выготский и не пользовался этим понятием» [6, с. 307]. Это не единственное признание: следя за мыслью Мамардашвили и Декарта, он говорил о том, что ему не все понятно в их текстах, приглашая к размышлениям над ними. Это пожелание он распространял и на собственные работы, заявляя, что ему не все удалось изложить достаточно понятно. Делясь с читателем своими колебаниями и сомнениями, он уважал серьезного читателя, надеялся на его соучастие как единомышленника в деле научного познания природы человека.

Ирония – еще одна особенность зинченковского языка. Вольнодумцем и острословом назвал его В. М. Аллахвердов. Без страха перед чинами он в острой форме и беспощадно высказывался о некоторых личностях, которые заняли большие посты в науке, не имея на то действительных оснований. Да, он не называл конкретных имен, но они были легко узнаваемы по его характеристикам. Чем, как не иронией, является такой пассаж из его интервью: «диссертаций по творчеству больше, чем творцов, по мышлению – больше, чем мыслителей, по личности – гораздо больше, чем личностей, их написавших и защитивших» [4, с. 174]. Устные выступления Владимира Петровича – это всегда ирония!

Очень часто В. П. Зинченко прибегал к *графическим представлениям*, считая, что визуализация облегчает понимание текста. Это касается всех специфических для концепции В. П. Зинченко понятий и терминов. Так, в фундаментальной монографии «Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили» представление о духовном развитии как вертикали иллюстрируется рисунками, на которых изображаются сложнейшие реальности: узлы развития, онтологический и феноменологический планы развития, варианты успешного и не слишком успешного путей развития и т.п. Автор призывал относиться к приведенным схемам как к гипертексту, но при этом снисходительно допускал возможность для читателя менять их концептуальное наполнение (!), связи между элементами, общую композицию.

Так в стиле изложения В. П. Зинченко сочетаются образность и высокая художественность со строгой требовательностью к научности психологического знания.

IV. «Предмет психологии? Подъем по духовной вертикали»

Представления В. П. Зинченко о психологии как науке точно выражает заголовок данного раздела, который воспроизводит название текста интервью, данного им редакции журнала «Человек» в связи с его 70-летием [8, с. 5–25].

В. П. Зинченко принадлежал к культурно-исторической школе Л. С. Выготского и был сторонником психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева. «Моя внутренняя задача, – писал он в книге «Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили» [6], – состоит в продол-

жении работы по пониманию идей Выготского. Я иду вслед за моими учителями П. Я. Гальпериным, А. В. Запорожцем, П. И. Зинченко, А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурия, Д. Б. Элькониным – учениками, соратниками, последователями Выготского, которые, как бы далеко от него не уходили, все равно возвращались к нему» [6, с 18]. По характеристике Зинченко, теория Выготского стала фактом культуры и истории. Он писал о ее распространении среди мыслящих гуманитариев в нашей стране и в мире, видел актуальную задачу в развитии культурно-исторической психологии. В. П. Зинченко произвел огромную работу по реконструкции философско-гуманитарного контекста этой теории*, считая, что это позволит лучше понять суть оставшейся незавершенной концепции Л. С. Выготского, его главных идей. Он включил в этот контекст русских мыслителей, философов и поэтов Серебряного века, показал особую близость к культурно-исторической теории Выготского философских и психологических воззрений Г. Г. Шпета, его представлений о сознании и языке. В. П. Зинченко создал и был главным редактором международного журнала «Культурно-историческая психология» (2005), также направленного на развитие традиции и научной школы Л. С. Выготского.

Однако сам он назвал внутренней интенцией своего творчества стремление «выйти за пределы зоны ближайшего развития как культурно-исторической психологии, так и психологической теории деятельности, конечно, максимально сохраняя все ценное, что в них накоплено» [6, с. 13]. Владимир Петрович был оригинальным мыслителем. Сущность своих исканий он воплотил в понятии «*органическая психология*», поясняя при этом: «я занимаюсь и называю свои занятия органической (от органа и вместе с тем органа) психологией... Это соединяет психологию с искусством и с культурой, и с топологией души Мамардашвили» [8, с. 13]. В этом понятии содержится убеждение в невозможности рассмотрения человека в контексте неорганического мертвого мира.

Вся его творческая деятельность была направлена на то, чтобы психология стала более человеческой, интересной. Он писал о духовном развитии человека и о его духовном опыте, развивал идеи Г. Г. Шпета и С. Л. Франка о живом знании, размышлял о необходимости возвращения души в психологию. Б. Г. Мещеряков аргументированно показал наличие у В. П. Зинченко собственной психологической концепции (он назвал ее Z-концепцией), главное содержание которой составляет учение о сознании и духовном развитии человека как восхождении от живого движения к духовности, развитию по духовной вертикали, в основе которой лежит живое движение. Органическая психология В. П. Зинченко складывалась в преодолении штампов и клише, образовавшихся в психологических представлениях о личности и о путях ее развития, в борьбе за науку о духовном и личностном развитии человека, о пути к личности, к духовности, к свободе. Ее задачу Владимир Петрович определил так: «Я хочу на основании опыта психологии раз-

* Этому вопросу посвящены многие статьи В. П. Зинченко [7; 8; 9; 10 и др.] и большая монография [11].

вития, накопленного, прежде всего, в школе Л. С. Выготского, предложить *гипотезу о возможном пути построения теории развития человека*» [6, с. 65].

Большую смысловую нагрузку в системе психологических представлений В. П. Зинченко несет понятие *функционального органа*, определение которого дал замечательный русский физиолог А. А. Ухтомский. Как известно, он вывел это образование из пространства тела: под функциональным органом Ухтомский имел в виду не анатомический орган как нечто морфологически постоянное, а подвижное живое «всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение» [12, с. 95], которое рождается, строится, развивается. Эти силы распределены и скоординированы в пространстве и времени – как в окружающей нас среде, так и внутри нашего организма. Для воплощения факта пространственно-временного единства протекания реальных событий Ухтомский, ссылаясь на физика и математика Г. Минковского, ввел понятие *хронотопа**. Свои функциональные органы человек строит сам на протяжении всей жизни. К ним Ухтомский относил доминанту, внимание, опыт памяти, даже личность, то есть все то, что образуется искусственно. «Природа наша делаема»; «мы не наблюдатели, а участники бытия», – любил повторять Ухтомский. Идея функциональных органов способствовала преодолению упрощенных представлений об организме, поэтому она прочно вошла в физиологию (теория функциональных систем П. К. Анохина, физиология активности Н. А. Бернштейна) и психологию (ее использовали А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец). В. П. Зинченко рассматривал все психологические образования как функциональные органы. Он не только расширил представления о формировании, развитии и функционировании функциональных органов, но и создал реальные контуры науки о них [13]. В психологии, построенной на базисе этой науки, он видел синтез гуманитарного и естественнонаучного знания о развитии человека как духовного организма, считая понятия функционального органа и души соприродными: «Функциональные органы, психологические функциональные системы следует рассматривать как материал (материю), из которого, в конце концов, конструируется духовный организм» [6, с. 26].

От проблемы функциональных органов начинается органическая психология В. П. Зинченко. Этот шаг от функциональных органов к духовному организму, как писал В. П. Зинченко, он вычитал из Ухтомского (а может быть, как он замечал с осторожностью, «вчитал» в него). Особую роль в формировании функциональных органов играет живое движение: оно является их неистощимым источником.

В течение многих лет движение и действие были предметом экспериментальных исследований В. П. Зинченко, как собственных, так и проводимых им совместно с женой Н. Д. Гордеевой и группой ее сотрудников, а также с В. М. Муниповым, А. И. Назаровым, Г. Г. Вучетич,

* Кроме пространственного и временного измерений, В. П. Зинченко ввел в хронотоп смысловое измерение. При этом он опирался на положение Ухтомского о том, что глубина хронотопа может быть чрезвычайно обширной, когда в случаях больших жизненных проектов проектирование во времени удлиняется.

В. М. Гордон и др. Наряду с внешней исполнительской стороной в полученных данных выступила сложность внутренней формы действия человека: она выразительно представлена в названных выше исследованиях графически в сложной функциональной модели, в которой моторные компоненты занимают минимальный удельный вес, и практически состоит из когнитивных, образных, программирующих, оценочных компонентов. Была показана чувствительность движения к ситуации и к возможностям его осуществления, в микроинтервалах времени действие решает рефлексивные задачи.

Накопленный огромный эмпирический материал исследований вызвал необходимость совершенствования и развертывания единиц анализа деятельности и сознания, выделяемых в психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева. В. П. Зинченко высоко оценивает представление о ее трехуровневой структуре деятельности, принадлежащее А. Н. Леонтьеву, но вносит в него модификацию. Сохраняя в схеме Леонтьева уровни деятельности в соотношении с мотивом, действия – с сознательной целью, он расчленяет в этой схеме операциональный аспект в его соотношении, по Леонтьеву, с условиями на два уровня: *операция*, которая детерминируется не условиями вообще, а функционально значимыми для действия свойствами реальности, и *функциональный блок*, поскольку таких свойств может быть много. Всю эту систему он называет *макροструктурой* деятельности. Макроанализ дополняется В. П. Зинченко *микроструктурным* анализом, который позволил выявить молекулярные единицы действия в микроинтервалах времени, его волны и кванты. Все эти моменты существенно обогащают представления не только о внешней форме действия, но и о содержании его внутренних компонентов.

Данные о живом движении и действии привели В. П. Зинченко к новаторским представлениям о *сознании и его структуре*. Этому посвящена последняя его фундаментальная монография «Сознание и творческий акт» (2010). Здесь изменению подверглись представления об образующих сознания, в качестве которых, как известно, Леонтьев называл чувственную ткань, значение и смысл. В число образующих, кроме названных, В. П. Зинченко ввел *биодинамическую ткань* движения и действия, поскольку сознание укоренено в деятельном бытии человека. Эти четыре образующие он объединил в два слоя. *Бытийный слой* (его, может быть, размышлял Зинченко, можно назвать экзистенциальным, это вопрос терминологии, замечает он) – его образуют биодинамическая и чувственная ткани, они составляют строительный материал образа и *рефлексивный слой*, включающий значение и смысл: смысл выражает укорененность сознания в бытии человека, значение – его подключенность к сознанию общественному, к культуре и истории. Чувственная ткань и смысл репрезентируют человеческую субъективность. На этапе разработки органической психологии структура сознания обогащается введением в нее *духовного слоя*. Его содержание раскрывается с помощью понятия о духовности. Это понятие он не отождествляет с религиозной трактовкой. Оно имеет светское содержание. В. П. Зинченко указывает на огромный опыт, накопленный по проблеме духовности в нравственной отечественной философии конца XIX – начала

XX вв., поиски некоторых современных авторов, в числе которых называет В. Франкла, М. Мамардашвили и др.

В духовном слое сознания, согласно видению В. П. Зинченко, представлено собственное Я человека в разных его планах: Я идеальное, Я должного и др. Этот слой складывается в пространстве «Я–Ты», то есть в пространстве *между* сознаниями с начала жизни человека, в общении ребенка со взрослым; существует сначала вне языка. Автор дает многочисленные ссылки на Д. Б. Эльконина, М. И. Лисину, А. В. Запорожца, а также на С. Л. Рубинштейна и др. Это и высший слой, и одновременно создающийся раньше других слоев. Отсюда Зинченко пришел к выводу о том, что формирование сознания осуществляется не поэтапно, с самого начала в него вовлекаются все его образующие. Общее заключение таково: «Мыслимая структура сознания не только полифонична, но и полицентрична. Каждая из образующих бытийного и рефлексивного слоя сознания может стать его центром... подобная смена необходима, поскольку сознание должно быть открытым, свободным и всеобъемлющим... Смена необходима и для самопознания... Другими словами, полицентризм столь же необходим сознанию, как моноцентризм – совести» [6, с. 325].

Концепцию В. П. Зинченко венчает учение о развитии человека по духовной вертикали. Оно сконцентрировано в ключевых словах: духовность, сила духа, поступок и деяние как высшая форма человеческой деятельности, начинающаяся от слабодифференцированных форм активности – живого движения, духовного опыта. Оно изображается графически в схемах «Вертикаль развития», «Онтологический и феноменологический планы развития», «Варианты возможных путей развития» и некоторых других.

Заключение

Решение у меня есть уже давно, но я еще не знаю, как к нему прийти.

К. Ф. Гаусс

Эти слова немецкого математика и астронома К. Ф. Гаусса (1777–1855) В. П. Зинченко связывал с философскими размышлениями М. К. Мамардашвили, который, как это чувствовал Владимир Петрович, « всю свою философскую жизнь пытался пройти путь к своему собственному знанию, анализируя для этого и пути к знанию Декарта, Пруста, Канта» [6, с. 315]. Все это с точностью до слова относится к психологическому творчеству самого В. П. Зинченко. Его колоссальная работа по нахождению пути построения теории развития человека, в которой он опирался на весь опыт философской, научно-психологической мысли, поэтического творчества, осталась незаконченной. Да она и не могла завершиться. Как он писал, ее детальное описание требует многотомного изложения. Но то, что он успел сделать, открывает новые пути изучения человеческой души, призывая психологов к продолжению поиска ответа на вопросы, которые остались открытыми.

Владимир Петрович Зинченко – наш Заслуженный собеседник!

1. Стил ь мышления: проблемы исторического единства научного знания. К 80-летию В. П. Зинченко / Под ред. Т. Г. Щедриной. – М., 2011.
 2. Энциклопедия Московского университета. Факультет психологии: Биографический словарь / Ред.-сост. А. Н. Ждан. – М., 2006. – С. 71–75.
 3. Психологический лексикон: В 6 т.: Энциклопедический словарь в 6 т. / ред.-сост. Л. А. Кариенко; под общ. ред. А. В. Петровского. – М., 2005. – С. 187–189.
 4. Интервью с В. П. Зинченко к 75-летию // Вопросы психологии. – 2006. – № 4. – С. 172–178.
 5. *Зинченко В. П.* Теоретический мир психологии. – 2003. – № 5. – С. 3–17.
 6. *Зинченко В. П.* Посох Осипа Мандел ьштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М., 1997.
 7. *Зинченко В. П.* Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. – 2006. – № 5. – С. 100–113.
 8. *Зинченко В. П.* Предмет психологии? Подъем по духовной вертикали // Человек. – 2001. – № 5. – С. 5–25.
 9. *Зинченко В. П.* Психология действия. Вклад Харьковской психологической школы // Культурно-историческая психология. – 2013. – № 1. – С. 92–106.
 10. *Зинченко В. П.* Человек в пространстве времен // Развитие личности. – 2002. – № 2. – С. 23–50.
 11. *Зинченко В. П., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г.* Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. – М., 2010.
 12. *Ухтомский А. А.* Избранные труды. – Л., 1978.
 13. *Зинченко В. П.* Сознание и творческий акт: Языки славянских культур. – М., 2010.
-

